

*В. ШИРОНИН,
кандидат физико-математических наук,
экономический советник Банка России*

ИНСТИТУТЫ И ИННОВАЦИИ: ВЗГЛЯД КОГНИТИВНОЙ НАУКИ

Материальный прогресс западного общества связан с тем, что оно систематически порождает инновации. Эта мысль отнюдь не нова¹, однако все выводы, которые из нее следуют, пока не сделаны. В экономической науке такой вывод должен означать переориентацию исследований: ее предметом должно быть не только перемещение материальных тел, но и движение идей и их превращение в «реальность».

Как известно, таким был подход австрийской школы, которая рассматривала экономику и общество как систему рассредоточенного, рассеянного знания. Одним из предшественников когнитивной науки был Нобелевский лауреат по экономике Ф. фон Хайек. В данной статье мы попытаемся продвинуться в направлении, заданном этой концепцией, считая сверхзадачей понять современные экономические институты и их развитие.

Классическое определение дал один из родоначальников институциональной экономики Дж. Коммонс: институт — коллективное действие, контролирующее индивидуальное действие². С одной стороны, любой человеческий поступок определяется его индивидуальными особенностями и состоянием в данный момент. С другой стороны, эмоции, мотивы человека, его видение ситуации и намерения в значительной степени сформированы на внеличностном, коллективном уровне.

Возможны различные подходы к описанию и анализу внеличностного коллективного действия. Нынешняя новая институциональная экономическая теория, несмотря на свои отличия от мейнстрима, все же по большому счету относится к жанру «экономикс», дополняя обычные предпосылки экономической неоклассики концепцией транзакционных издержек, то есть экономического «трения». С этих позиций

¹ Rosenberg N., Birdzell L. E., Jr. How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World. N. Y.: Basic Books, 1986.

² Commons J. Institutional Economics // American Economic Review. 1931. Vol. 21. P. 648–657.

в новой институциональной экономике рассматриваются и некоторые поведенческие характеристики, и их влияние на основные отношения (институты) капитализма — права, сделки и организации. Такое пополнение экономического инструментария позволяет анализировать очень широкий круг проблем, что демонстрирует силу и большое изящество этой теории.

Что касается «старого институционализма», то при всей широте их подхода сферой интересов Веблена и Коммонса были институты капиталистического рынка, поэтому базовые понятия права и сделки они принимали в целом как данность. Между тем разрушение советской институциональной структуры, ее спонтанная эволюция и целенаправленные реформы привели к возникновению отношений, которые по своему содержанию не вполне укладываются в привычные категории. В связи с этим большой интерес представляет не только экономический анализ институтов с учетом «трения», «оппортунизма» и т. п., но и анализ *содержания* поведенческих актов.

Мы определим здесь институты наиболее общим образом: как *инфраструктуру взаимодействий*, формирующую варианты индивидуального поведения людей применительно к той или иной сфере жизни. Слово «формировать» понимается здесь в возможно более широком смысле и включает все — от понятийного аппарата, навыков до механизмов принуждения и наказания.

Внеличностное коллективное знание, память и коллективное действие «физически» находятся в головах отдельных индивидов. Оно материализовано — отчуждено — в виде библиотек, рукотворных материальных объектов, а также в виде материальных следов, произвольно остающихся в мире в результате присутствия человека.

Разумеется, в итоге субъектом действия выступает индивид, и этот очевидный факт лежит в основе введенного Й. Шумпетером принципа «методологического индивидуализма»³. В рамках такого подхода получены интересные результаты, показывающие, как коллективное поведение и институты можно вывести из поведения индивидуального⁴. Однако здесь мы ставим другую задачу и хотим рассматривать институты как внеличностные идеальные объекты, обладающие свойством целостности.

Отношение между институтом и действием, инфраструктурой взаимодействий и потоком самих взаимодействий аналогично сосюровскому отношению языка (как набора правил, грамматики) и речи (конкретных высказываний носителей языка). Как и язык, институт существует только как потенциально возможное поведение, однако он обладает свойством целостности, поэтому его можно изучать «в синхронии», то есть в виде «среза» в каждый данный момент времени. Поток действий и взаимодействий людей, как и речь, актуально разворачивается «в диахронии», ее можно непосредственно наблюдать и фиксировать.

³ См., например: Фуруботи Э., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2005.

⁴ Подробнее см. работы Дж. Бьюкенена, по теории общественного выбора, работы М. Олсона и др.

Общество как креативная система

Мы будем рассматривать инфраструктуру взаимодействий *с позиций когнитивной науки*⁵, хотя и с некоторыми оговорками. Когнитивная наука, возникшая примерно полвека назад, изначально представляла собой сплав разнородных сведений, инструментов и теорий, заимствованных из различных традиционных областей знания (философии, психологии, математики, биологии и др.) и ориентированных на изучение проблем мышления и искусственного интеллекта. Несмотря на такое происхождение, она характеризуется и достаточно единым подходом, суть которого состоит в том, что процесс мышления рассматривается как процесс переработки информации. Иными словами, работа мозга, компьютера, а также социальные процессы представляются как информационные процессоры. В данном случае мы будем здесь рассматривать институты как системы рассредоточенного знания, элементы которых не только перерабатывают информацию, но и обладают автономией и «инициативой». Такие системы, вероятно, было бы правильно называть не информационными, а *креативными*.

Сегодняшняя когнитивная наука распадается на два направления — *классическое* и *коннекционистское* (connectionist). Классическое направление, истоки которого в математике начала XX в. (понятие машины Тьюринга), связано с изучением систем переработки *символической информации*. Соответственно с этой точки зрения институт — это язык взаимодействий, который оперирует *идеальными объектами*.

«Социальная реальность наполнена объективированными отношениями между людьми — вещами и веществами, ценностными системами и политическими реалиями, законами науки и законами юридическими, которые подчиняют себе людей, оформляют их деятельности, объединяют и разделяют. Люди поколениями превращали и превращают отношения между собой во внешние объекты, начинающие жить самостоятельной — для последующих поколений — жизнью»⁶.

Наиболее универсальным объектом такого рода является человеческий *язык*, который можно интерпретировать как внеличностный способ организации мышления, творчества и поведения отдельных людей. Точно так же любые институты можно интерпретировать как специальные языки, относящиеся к той или иной области жизни и создающие общую канву индивидуального поведения. Скажем, институт семьи — это понятийный аппарат, относящийся к данной сфере отношений, и смысловое наполнение понятий (во всей их вариативности). Кроме того это грамматика, управляющая использованием понятий и позволяющая строить из них осмысленные конструкции — не только смысловые (информационные), но и поведенческие. Примерами «рукотворных» институтов могут быть правила дорожного движения, игра в шахматы и т. д.

В то же время неверно предполагать, что *все* общественное устройство можно свести к движению идеальных объектов. Возникшее

⁵ Dawson M. R. W. Understanding Cognitive Science. Oxford: Blackwell, 1998. О значении когнитивной науки для институционального анализа говорил Д. Норт в Нобелевской речи.

⁶ Кордонский С. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: ПАНТОРИ, 2001.

относительно недавно второе главное направление когнитивной науки — коннекционистское — изучает переработку информации сетями, составленными из взаимосвязанных единиц, каждая из которых достаточно примитивна и способна только реагировать на стимулы, передаваемые ее соседями и, в свою очередь, передавать им определенный сигнал.

Наиболее часто используемым лабораторным объектом в коннекционистских экспериментах служат *морские слизняки* (sea slugs). При этом оказывается, что как целое сеть из этих простых организмов может реализовывать очень сложные функции. Например, в некоторых экспериментах такую сеть обучали «читать»: на вход сети подавали слово в буквенном написании, а на выходе (с помощью синтезатора) она выдавала звучание слова. Важно, что в отличие от системы переработки символической информации, сеть делает это не на основе программы или инструкции, а в результате обучения путем проб и ошибок (стимулы типа «тепло — холодно»).

Таким образом, социальные взаимодействия можно представить в виде *волн импульсов, перемещающихся по социальным сетям*. Такие импульсы могут иметь характер элементарных «коннекционистских» стимулов. Они могут быть также организованы как движение и преобразование идеальных объектов.

Фундаментальные особенности «западного» общественного устройства

Если смотреть на наше — российское или постсоветское — общество не как на конструируемую систему, а как на живой организм, развивающийся по своим, присущим ему законам, то возникает задача понять и диагностировать это развитие. Куда мы движемся? Какие изменения важны, а какие второстепенны? Для ответа на эти вопросы желательно иметь некоторую базу для сравнения, «эталонный метр». Отсюда вытекает необходимость правильно понимать «западное» общественное устройство.

В качестве исходного пункта рассмотрим «теоретический мир» Хайека — нарисованную им картину «либерального общественного порядка»⁷. Эта модель далека от реалий сегодняшней российской жизни, тем не менее она может очень служить отправной точкой для анализа отечественных институтов.

В связи с этим заметим, что, говоря о «либеральном общественном порядке», Хайек называет его спонтанным. Между тем ключевой вопрос состоит в том, достаточно ли придерживаться принципа *laissez-faire*, чтобы такой порядок возник сам? Или либеральный общественный порядок (rule of law, «система модерна» и т. п.) представляет собой такое же великое изобретение человечества, как, скажем, колесо, и он «не вырастает сам по себе», а должен быть предметом «транс-

⁷ Hayek F. A. The Principles of a Liberal Social Order // The Essence of Hayek. Stanford: Hoover Institution, 1984.

плантации». (Как известно, высокоразвитые цивилизации Америки обходились без колеса.)

Следует сказать, что модель либерального общественного порядка описывает только «половину» отношений, которые можно наблюдать в реальных обществах западного типа. Более того, по-видимому, модель была построена специально с полемической целью — противопоставить комплекс отношений либерального типа, основанных на идее свободы, другому, «демократическому» комплексу отношений, основанных на идее равенства⁸.

Чтобы взглянуть на модель либерального общественного порядка как на «креативную систему», попробуем немного «дорисовать» картину, добавляя некоторые аспекты, которые сам Хайек не считал необходимым подчеркивать.

Индивиды и процедуры индивидуального принятия решений

Теоретический мир Хайека населен *индивидами*, которые порождают инновации. Затем идеи (идеальные объекты) отделяются от производящих их индивидов и превращаются в объективно существующие вещи. Как заметили еще классики, в системе либерального порядка (при капитализме) социальные связи отчуждены от индивидов и опосредованы вещами.

Индивиды действуют абсолютно *свободно*, однако не во всех случаях, а только в рамках своей компетенции⁹. Рамки компетенции формулируются в терминах *прав* индивидов. При этом набор прав, которыми обладает тот или иной индивид в каждый данный момент, складывается исключительно в результате *добровольного обмена* с другими индивидами (либо путем односторонних сделок, как дарение или завещание). Общие рамки для таких добровольных обменов задаются *законами*, имеющими исключительно *безадресный* характер, то есть одинаково относящимися к любому индивиду.

Действия индивида можно описать в виде триады: он *придумывает* идею (идеальный объект), затем самостоятельно *реализует* ее, превращая в продукт (и используя ресурсы, принадлежащие его *private domain*). После этого индивид *социализует* свою идею, получая одобрение других (что происходит путем продажи и покупки).

⁸ Актуальность и значимость этого противопоставления показывает и его «переоткрытие»: Закария Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия дома и за границей. М.: Ладомир, 2004. С другой стороны, высказывается мнение, что либерализм и демократия являются взаимно дополняющими принципами: Vanberg V. J. On the Complementarity of Liberalism and Democracy — a Reading of F. A. Hayek and J. M. Buchanan // Journal of Institutional Economics. 2008. Vol. 4, No 2. P. 139—161.

⁹ Мы намеренно ввели термин «компетенция» вместо хайековского «protected private domain», чтобы подчеркнуть, что поведение в рамках профессий (юридической, медицинской, научной и т. д.) построено по точно таким же принципам. Обратим внимание на «территориальный» характер этого понятия свободы (или воли). Для сравнения: в системе «русского поведения» — как идеального типа — свобода понимается так, что человек может вмешаться в любое дело, а любой может вмешаться в его дела. Вопрос только в интенсивности этого вмешательства, поэтому русская борьба за свободу означает стремление увеличить силу своего воздействия и уменьшить силу чужого.

Эта последовательность действий, которую можно назвать *базовой триадой*, может иметь другой вид вне системы «либерального порядка». В отличие от нее, в коллективистской модели («при социализме») вторым шагом в триаде будет социализация идеи: индивид должен убедить коллектив (или органы власти) в необходимости реализовать свою идею. Сама же реализация осуществляется на третьем этапе — как общее дело всего коллектива.

Становление либерального общественного порядка в Новое время было неразрывно связано с разработкой *техники* индивидуальной «работы» с идеальными объектами. Во-первых, это методы индивидуального «производства» идей¹⁰ — классификации, логического вывода, эмпирической проверки гипотез и рациональных процедур верификации — начиная с Декартова *cogito ergo sum*¹¹. Во-вторых, были созданы способы индивидуального превращения идей в различные виды «реальности», что, собственно, и называют капитализмом.

Универсальность контекста и смысла

Идеи (идеальные объекты) могут превращаться в объективно существующие вещи потому, что западная цивилизация имеет важнейшую особенность: предполагается, что понятия имеют смысл независимо от ситуации. Соответственно законы и этические нормы едины для всех, факты могут быть в принципе всегда проверены, договоренности должны безусловно выполняться и т.д. Общим понятием, по сути дела выражающим весь этот комплекс подходов, на современном языке является *прозрачность* (*transparency*).

Роль профессий как специализированных «фабрик по производству смыслов»¹²

Механизм выработки языка, с помощью которого индивиды взаимодействуют, совершая сделки (обмениваясь правами или делегируя их), отделен от них и составляет отдельную подсистему. Эта система «ортогональна» рынку: индивиды не имеют возможности (локально, в момент сделки) влиять на язык и правила, обеспечивающие и ограничивающие их действия.

В модели либерального общественного порядка законы не «принимаются», а «открываются», как некоторые объективно существующие закономерности, которые просто до поры до времени были неизвестны. Это делают судьи и юристы (не законодатели!). Точно так же обсуждение научных теорий — это задача ученых, а апеллирование к властям или «публике» справедливо осуждается как «лысенковщина». В целом правило таково: язык и понятия, используемые для определения компетенций, вырабатываются внутри особого *профессио-*

¹⁰ Кордонский С. Указ. соч.

¹¹ Само понятие истины как характеристики, независимой от субъективного мнения людей, есть элемент данного общественного устройства.

¹² Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

нального сообщества и по правилам, принятым в этом сообществе, путем открытого, понятного и воспроизводимого обсуждения. Это обсуждение не может быть обращено к «непосвященным» (не членам сообщества). Примерами могут быть сообщества юристов, ученых, врачей и некоторые другие.

По мнению специалистов, профессии представляют собой *третий* механизм координации деятельности, который отличается как от рыночного, так и от иерархического. Судья, врач, университетский профессор не встроены в систему бюрократического подчинения. С другой стороны, отношения врача с пациентом или студента с профессором не рыночные потому, что ни пациент, ни студент не могут квалифицированно судить о качестве услуги, предоставляемой врачом или профессором. Качество в этом случае обеспечивается механизмами социализации и контроля *внутри* профессии, которая по отношению ко всему обществу выступает как единое целое.

Деятельность внутри профессий организована также по принципу базовой триады: «идея—реализация—социализация», но отличается от поведения на рынке. Например, реализация идеи в науке может иметь форму доказательства теоремы или постановки убедительного эксперимента, а в качестве социализации будет выступать публикация в научном журнале и цитирование коллегами.

Именно профессии вырабатывают понятийный аппарат. Тот факт, что индивид (неважно, принадлежащий к данному профессиональному сообществу или нет) в каком-то случае оставался в пределах своей компетенции или выходил за ее пределы и совершал нарушение, устанавливается также представителями данного профессионального сообщества и по правилам, принятым данным профессиональным сообществом (судит — судья¹³).

Таким образом, инновации порождаются не только «обычными» индивидами, но и профессиями в ходе их деятельности по разработке специального языка.

Материальный прогресс и движение реализованных идей

Наши соотечественники всегда были, мягко говоря, озабочены отставанием в области «экономического прогресса» (в сочетании с неодобрительным отношением к «материализму западной цивилизации»). Взглянув на эту проблему с позиций когнитивной науки, мы приходим к выводу, что дело здесь не в отставании нашей культуры (и страны). Скорее, надо говорить о том, что западная цивилизация обладает уникальным свойством — способностью и склонностью «отчуждать» идеи и превращать их в реальность. Эта способность влечет за собой мощный цивилизационный рывок, она аналогична тому, как речь посредством письма отчуждается от говорящего и превращается в материальный объект — текст.

Подчеркнем особенность когнитивного подхода: мы перестали рассматривать товары и услуги как нечто, удовлетворяющее потреб-

¹³ В ходе этой процедуры может запрашиваться мнение «непосвященных» присяжных.

ности, и взглянули на них как на воплощение идей и форму существования идеальных объектов. В результате проблема оказалась сведенной к тавтологии: материальный прогресс означает, что весь окружающий мир представляет собой «память» большой человеческой креативной системы и наполнен артефактами, представляющими собой реализованные идеи.

Институциональная динамика постсоветского переходного общества

Приведенная выше «базовая триада» в форме «идея—социализация—реализация» представляет собой фундаментальную характеристику «элементной базы» общественного порядка советского типа. Индивид (или организация), выступающий с некоторым предложением (идеей), должен убедить в ее целесообразности коллег или вышестоящее начальство. После этого все данное сообщество дружно принимается за реализацию идеи. Недостаточно успешные результаты при этом воспринимаются как проявление *дефицита*.

Такая социальная система имеет существенную особенность: идея (идеальный объект), передвигаясь в процессе социализации от одного узла сети к другому, претерпевает изменения. Поэтому, когда дело доходит до коллективной реализации идеи, проектом для этой реализации оказывается идеальный объект, представляющий в лучшем случае компромисс, а часто и нереализуемую химеру.

Иерархии и сети

В начале 1980-х годов советские ученые прочитали книгу Я. Корнаи «Экономика дефицита»¹⁴. Для них была новой идея о возможности существования децентрализованных (неплановых, некомандных) экономических систем, которые не имеют ничего общего с классическим рынком. На модельном уровне Корнаи показал, что такие системы могут не использовать деньги и денежные параметры, но полностью основаны на горизонтальных отношениях предприятий между собой и с потребителями.

Экономические картины, нарисованные в «Экономике дефицита» и других работах, отражали реальности реформированных восточно-европейских экономик периода «социализма с человеческим лицом», где уже существовали элементы экономической независимости, хотя общий контроль осуществлялся в плановом порядке.

Примерно в то же время — отчасти под влиянием из-за рубежа, отчасти на основе собственных наблюдений за различными социально-экономическими объектами (от Госплана СССР до сельского района на Алтае) — у нас возникло представление, что и в нашей стране принятие экономических решений фактически децентрализовано.

¹⁴ Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam: North-Holland, 1980 (рус. пер.: Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990).

Свобода принятия управленческих решений, необходимая для организации планового воздействия сверху вниз, у органов управления чаще всего отсутствовала, они выступали в значительной степени как простые трансляторы информации о потребностях предприятий. Поэтому традиционные представления об управляемости советской экономики были на самом деле проявлениями «планового» или «личностного фетишизма», аналогичного товарному фетишизму рынка. Таким образом, в середине 1980-х годов был сформулирован тезис, что советская экономическая система представляла собой не командную экономику, а «экономику согласований», «экономику торга» или «административный рынок»¹⁵.

Для анализа «экономики согласований» оказалось удобным использовать не новое понятие дефицита, введенное Корнаи, а традиционный профессиональный инструментарий в виде кривых спроса и предложения. Непосредственные горизонтальные взаимодействия предприятий (как в настоящем рынке) заменяются в такой системе двумя типами взаимодействий между предприятиями и органами управления: орган управления требует обеспечить выпуск определенного количества продукции, обещая некоторый объем ресурсов; предприятие требует предоставить ему ресурсы, обещая достичь соответствующего выпуска. Таким образом, в определенной степени орган управления просто пассивно обслуживает горизонтальные отношения (обмены) между предприятиями. В то же время в какой-то степени он и сам выступает независимым игроком, который торгуется с предприятиями за свои интересы.

Иными словами, теория «административного рынка», в сущности, позволила посмотреть на управленческие иерархии не как на целостные субъекты принятия осознанных решений, а как на разновидность институциональной инфраструктуры. В настоящей рыночной системе роль такой инфраструктуры играет правовая система, которая включает как юридический понятийный аппарат вместе с набором правил использования этих понятий, так и механизм принуждения, призванный обеспечивать выполнение обязательств. Любое данное юридическое лицо может в правовых терминах сформулировать свое предложение другому юридическому лицу и затем вступить с ним в договорные отношения. Потоки формируемых таким образом взаимодействий и составляют динамику рынка.

В системе «административного рынка» — говоря в первом приближении — вместо отношений собственности мы имеем отношения подчинения, а вместо прав — обязанности. Тем не менее это позволяет организовывать и координировать потоки взаимодействий, сформулированные таким образом.

¹⁵ *Широнин В.* Механизмы координации производственной деятельности // Сравнительный анализ хозяйственных механизмов социалистических стран: Сб. трудов. Вып. 15 / ВНИИ системных исследований. М., 1984; *Константинов В., Найшуль В.* Технология планового управления. Препринт. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986; *Кордонский С.* Некоторые социологические аспекты хозяйственных отношений // Теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма: Сб. трудов. Вып. 6 / ВНИИ системных исследований. М., 1986; *Авен П., Широнин В.* Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Известия СО АН СССР. 1987. Вып. 3 (Сер. «Экономика и прикладная социология»).

В экономическом анализе такой взгляд на советскую экономику создавал новые возможности для перехода от традиционно преобладавшего прескриптивного подхода к эволюционному, дескриптивному и эмпирическому. Наше общество и экономику уже можно было рассматривать не как сконструированные и конструируемые органами власти (или впоследствии «реформаторами»), а как спонтанно развивающиеся по своим внутренним законам — хотя и при участии сознательно действующих его членов. В частности, в ходе реформ 1990-х годов произошла монетизация экономики, а затем и значительное развитие в ней действительно рыночных отношений. Тем не менее, и сегодня наше общество относится скорее к системам типа «административного рынка». При этом инфраструктурой, обеспечивающей элементарные взаимодействия индивидов (людей и/или организаций) между собой, выступают сети — как иерархические, так и горизонтальные.

*Идеальные объекты в советском
и постсоветском обществе*

Круг идей Корнаи может служить вполне адекватным средством для анализа экономических аспектов и проблем в обществах такого типа. В то же время этот понятийный аппарат не вполне приспособлен для обсуждения вопросов, связанных с их низкой инновационной эффективностью.

В связи с этим обратим внимание, что общественная система советского типа не была чисто сетевой структурой, где элементы взаимодействуют только со своими непосредственными соседями и не знают, что происходит в других частях. Напротив, эта система обладала значительной прозрачностью. «Вегетативные», то есть сетевые взаимодействия в ней сочетались с символическими механизмами, оперировавшими идеальными объектами. Это проявлялось постоянно и повсеместно в сосуществовании «официального» и «неофициального» в жизни и сознании людей. При этом устройство символических механизмов в обществе советского типа, разумеется, принципиально отличалось от механизмов либерального порядка.

На макроуровне символические механизмы были построены в основном по иерархическому принципу и представляли собой машины по массовому тиражированию идей и способов поведения. Заметим, что речь идет не только о машинах по промыванию мозгов. К заслугам советской системы относятся и безукоризненная система здравоохранения «по Семашко», и прекрасная школьная система, и многое другое.

На микроуровне для советской системы был характерен неискоренимый порок: в ней не было достаточно эффективного способа проверки истинности гипотез и реализации идей. В то же время, как известно, во многих случаях советские ученые и конструкторы были способны на выдающиеся инновационные прорывы. К сожалению, интереснейший вопрос о том, как и в каких случаях советская наука была на это способна, совершенно не проработан.

Одним из объяснений может быть следующее. Как упоминалось выше, западная наука организована по принципу «профессии». Это

значит, что, с одной стороны, общество в целом, а с другой — научное сообщество заключили неявное соглашение о том, что научное сообщество пользуется значительной автономией и осуществляет самоуправление, но при этом обеспечивает научный прогресс. При советской системе такого рода глобальное соглашение об автономии было очевидным образом невозможно. Тем не менее, в отдельных случаях, когда речь шла о жизненно необходимых разработках, советское государство предоставляло большую самостоятельность отдельным научным коллективам и как бы организовывало «профессию», скажем, в одном «отдельно взятом» конструкторском бюро.

Разрушение советского общественного устройства привело в первую очередь к демонтажу символических механизмов (неразрывно связанных с идеологическим контролем). В результате сегодняшнее общественное устройство имеет в гораздо большей степени сетевой характер, чем в советский период. Идеальные объекты (нормы и идеалы, как мода и технологии) не столько порождаются внутри системы, сколько импортируются *ready-made*. Другим источником часто становится переосмысление старых советских символов и клише. Эти заимствованные символы и понятия мало приспособлены для выражения новых форм жизни, что приводит к феномену «постсоветской афазии»¹⁶ — неспособности сегодняшних россиян описать собственную жизненную ситуацию.

Пределы управляемости

Как ни странно, вопрос о том, какие инструменты политики (планирования) действительно пригодны для использования в современной России, практически не обсуждается. Вытеснение этого вопроса в область «общественного бессознательного» часто приводит к бессмысленной риторике.

Посмотрим на эту проблему с помощью следующей кибернетической метафоры. Вспомним аналоговые компьютеры, широко использовавшиеся 20 лет назад. В отличие от современных (которые тогда назывались программируемыми) аналоговые устройства представляли собой электрические машины, построенные для решения одной определенной задачи. Чтобы вычислить 2×2 , необходимо было превратить эти исходные данные в электрические токи, после чего аппарат выдавал результирующий ток, соответствующий решению $= 4$. Чтобы перепрограммировать аналоговый компьютер (чтобы вычислять, скажем, $2+2$ вместо 2×2), нужно было физически перестроить электрическую схему, а не вставить дискету с программой, как сейчас.

Основной принцип современного программируемого компьютера состоит в отделении «софта» от «железа». В политике это соответствует идее разделения и независимости властей — законодательной, судебной и исполнительной. Именно это делает институциональное «железо», призванное обеспечивать выполнение законов и решений,

¹⁶ Oushakine S. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52, No 6. P. 991–1016.

нейтральным к их содержанию. И именно это свойство нейтральности позволяет использовать законотворчество как инструмент политики.

Используя эту метафору, можно сказать, что нынешняя российская институциональная и политическая система представляет собой аналоговый, а не программируемый компьютер. В ней нет «дисководов», в который можно вставить «дискету» с политическими рекомендациями. Эта система нуждается в управлении посредством переключения административных «проводов».

К разработке инструментария для когнитивного анализа институтов

Идеальные объекты и «реальность»

Если рассматривать институты как системы, оперирующие идеальными объектами (символической информацией), то сразу возникает вопрос о соотношении таких объектов и «реальности». Здесь необходимы кавычки, поскольку, скажем, грань между способом существования, с одной стороны, моды, а с другой — производственных мощностей, ориентированных именно на производство данной модной одежды, хотя и безусловно имеется, однако отнюдь не очевидна.

Проследивая новую историю западной цивилизации, М. Фуко выделил три наиболее общих этапа в соотношении «слов» и «вещей»¹⁷. На первом этапе «слова», или тексты, воспринимались так же, как «вещи»: мнение Птолемея означало точно то же, что и данные астрономических наблюдений. На следующем этапе «слова» воспринимались как «прозрачные»: понятия, теории, законы считались отражением «мира реальности». И, скажем, законы Ньютона считали не его «выдумкой» — хотя бы и спровоцированной «реальным миром», а воспринимались как «открытые» им.

Начиная с Канта, и особенно в наше время «постпозитивизма», взаимоотношение «слов» и «вещей» считают более сложным процессом. Считается, что факты теоретически нагружены. То, как человек видит мир (и что он считает фактом), в значительной степени зависит от того, какие априорные мыслительные конструкции он использует. И то, как он понимает ту или иную ситуацию (явление, факт), зависит от того, какую метафору он использует для анализа. Такой подход означает, что в любой момент времени каждый индивид соприкасается с двумя потоками — «реальности» и «идей» (или идеальных объектов)¹⁸.

Модус существования идеи

В компьютере информация хранится на различных носителях, она перекодируется и обрабатывается. Аналогичные трансформации происходят в креативных системах с идеальными объектами. Способ

¹⁷ Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994.

¹⁸ Поттер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

существования идеи (идеального объекта) — это «вечная» проблема, которую разрабатывали еще древние греки, а позже средневековые схоласты. Превращение идеального объекта в реальный — скажем, проекта в машину — это самый распространенный и самый понятный пример смены модальности. Гораздо сложнее философская проблема «узнавания» идеи, заключенной (согласно некоторой системе взглядов) в окружающей нас действительности. В наше время эта тема также стала предметом исследования, и не только философов. Она занимает центральное место в современном концептуальном искусстве. Хорошим примером может быть знаменитая инсталляция «Один и три стула» Дж. Кошута, выставившего три предмета — стул, фотографию этого стула и статью «Стул» из Википедии¹⁹.

Представляется очень полезным ввести в институциональный анализ понятие «*модус существования*» («модальность») идеального объекта (идеи) и анализировать институты под углом зрения трансформации модальностей. Очевидно, что к числу важнейших аспектов развития человеческого общества относится процесс возникновения и изменения идей (идеальных объектов), который неразрывно связан с изменением их модуса существования. Кроме того, имеющиеся в данном обществе и данной культуре инструменты для «работы» с идеальными объектами и для изменения их модальности представляют собой важнейший параметр, определяющий траекторию развития этого общества.

С этим напрямую связано понятие модальности в грамматике. В русской грамматике вместо слова «модальность» используется термин «наклонение»: изъявительное, сослагательное, вопросительное: «я иду» — это модальность факта, «я пошел бы» — это не факт, а пожелание или условие, и т. д. Кроме того, как известно, в грамматике нет границы между наклонением и модальностью времени: «я шел» — модальность факта в прошлом, «я пойду» — намерение, ожидание.

*Возникновение и движение идеальных объектов:
биологическая метафора*

Откуда же берутся идеи (идеальные объекты)? Один из ответов: они, как и живое, «не возникают ниоткуда», а могут быть только продолжением и развитием предшествующих идей. Динамику идеальных объектов, их поток можно описать с помощью эволюционной — или популяционной — модели. Применительно к науке (научным идеям, теориям и т. д.) это сделал Т. Кун²⁰. В его модели, с одной стороны, подчеркивается преемственность идей, поскольку каждая инновация является продолжением и развитием в рамках некоторой «школы мысли». С другой стороны, периодически происходят революции и возникают принципиально новые школы. Такое описание аналогично картине популяции в биологии. Разные школы мысли соответствуют различным биологическим видам. Представители разных школ не

¹⁹ en.wikipedia.org/wiki/One_and_Three_Chairs.

²⁰ Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.

способны понимать друг друга, как и представители разных видов не способны скрещиваться. Соотношение идей, возникших в рамках одной школы, аналогично мутациям (изменчивости) внутри одного вида.

Популяционная модель позволяет интерпретировать процедуры верификации и фальсификации. Верификация некоторой идеи (гипотезы) представляет собой акт «поедания» гипотезой подтверждающего ее факта. Кун заметил, что, во-первых, ни одна теория не объясняет *все* факты, и, во-вторых, старые теории выходят из оборота и заменяются новыми не потому, что противоречат фактам. Процесс замещения старых теорий (идеальных объектов) новыми аналогичен вытеснению одних популяций живых существ другими. При этом полное исчезновение популяции происходит, если эта популяция *ни в каком отношении* не имеет преимуществ по сравнению с вытесняющей ее (известный «закон Гаузе»). В противном случае (то есть почти всегда) каждая школа сохраняет свою нишу.

Аналогия мира идей и популяционной биологии, то есть целесообразность использования соответствующих моделей (метафор), достаточно очевидна, и ее периодически «переоткрывают» различные исследователи²¹. Такая метафора естественно возникает у исследователей, изучающих массовое сознание (моду, потребительские и политические предпочтения и т. п.)²².

Как «устроены» идеи: лингвистическая метафора

Мир идеальных объектов (идей) можно описать не только с помощью эволюционной модели. Другая метафора — язык, а источник концептуальных инструментов — лингвистика. В частности, здесь можно применить аппарат структурной лингвистики. Идеальный объект можно представить в виде текста (или конструкта, то есть действия), состоящего из высказываний (предложений), в свою очередь включающих понятия (слова), сочетающиеся по законам грамматики. Этот текст принадлежит определенному жанру (или в более общих терминах — парадигме), иными словами, отражает то, как принято говорить на данную тему или действовать в данной ситуации.

Излишне пояснять, что слово «текст» здесь понимается в обобщенном смысле. Например, это может быть последовательность действий, где каждая элементарная составляющая представляет собой часто повторяющийся и общепонятный момент, а «сцепление» таких моментов между собой определяется общепринятой и общепонятной грамматикой поведения. В целом такая последовательность действий не повторяющаяся, но она соответствует принятой парадигме. Так, переезд из точки *A* в точку *B* может происходить по-разному, однако в любом случае этот «текст» формулируется «на языке правил дорожного движения» (разумеется, включая их девиантную часть).

Лингвистический (структуралистский) взгляд предполагает разложение идеального объекта (будь то текст в буквальном или обобщенном

²¹ В число наиболее известных входит Р. Докинз.

²² Ослон А. Мир теорий в эпоху «охвата» // Социальная реальность. 2006. № 1.

смысле) на компоненты, каждый из которых принадлежит к некоторому множеству взаимозаменяемых вариантов. Такая комбинаторика позволяет из ограниченного набора элементарных «кирпичиков» строить нужные цепочки. При этом имеет место иерархичность структур. Так, комбинируя по-разному одни и те же понятия и слова, мы можем сказать и что «земля стоит на трех китах», и что «земля не стоит на трех китах», а также задать вопрос, на скольких китах она стоит. Все эти комбинации — хотя смысл их может быть противоположным — соответствуют одной парадигме.

Как правило, всякая данная парадигма «вложена» в некоторую — или некоторые — более общие парадигмы. В данном примере невооруженным глазом можно увидеть по крайней мере две: предполагается существование таких объектов, как земля и киты, а также утверждается, что земля может стоять; все рассмотренные фразы относятся к парадигме «русский язык».

* * *

Мы попытались показать, что социальные и экономические институты можно рассматривать как креативные системы — порождающие, преобразующие и сохраняющие информацию. Экономический процесс в этом случае представляет собой движение идей, превращенных в ту или иную «реальность». Устройство креативных систем можно представить как более или менее постоянную инфраструктуру, по которой перемещаются импульсы взаимодействий — сигналы между элементами сети либо более сложные идеальные объекты. Свойства креативных систем — язык взаимодействий, способ передачи импульсов, возможные типы идеальных объектов и другие — составляют единое целое, их нужно анализировать в совокупности. Такой подход позволяет понять особенности различных институтов, их «вписанность» в общую социально-экономическую среду, возможности заимствования и пути развития в современной информационной среде.